УДК 811.511.152.1

DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-1-61-70

Лексический атлас эрзянских диалектов (материалы и исследования)

И. Н. Рябов

*ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»,
г. Саранск, Российская Федерация,
ryabov.74@bk.ru*

Г. В. Рябова

*ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»,
г. Саранск, Российская Федерация,
ryabova.gv@bk.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: в статье представлены результаты работы по сбору, обработке и картографированию лексического материала для диалектологического атласа эрзянских диалектов. Анализ исследований мордовских диалектов с применением метода лингвистической географии отражает достижения последних лет и даёт характеристику рассматриваемым проблемам в диалектных системах. Отдельно отмечены основные работы в финно-угорском языкознании, в которых применялись методы лингвистической географии.

Цель статьи: определить основные направления работы по составлению диалектологического атласа, показать методику проведения исследования.

Материалы исследования: диалектному картографированию подверглись говоры сёл, наиболее чётко отражающие особенности диалектных типов.

Результаты и научная новизна: анализ диалектного материала составленных карт выявил наличие большого количества корреспонденций рассматриваемых лексем. В качестве иллюстрации в работе приведена диалектная карта лексемы *ovtoumar* 'шиповник'. Составленная карта в полной мере отражает вариативность данной лексемы. Она представлена лексическими, словообразовательными и фонетическими вариантами. На основе проведённого анализа отмечается, что создание диалектологического атласа мордовских языков – важный этап в развитии диалектологии эрзянского и мокшанского языков. Являясь фундаментальным сводом диалектного материала в его территориальном распространении, диалектологический атлас служит основой для различных аспектов изучения языка методом лингвистической географии.

Ключевые слова: диалектологический атлас, диалект, говор, диалектный тип, диалектное членение, лингвистическая география, опорный пункт, картографирование, знак, ареал, лексема, вариативность.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00323.

Для цитирования: Рябов И. Н., Рябова Г. В. Лексический атлас эрзянских диалектов (материалы исследования) // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 61–70.

Lexical Atlas of the Erzya dialects (materials and research)

I. N. Ryabov

*Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation,
ryabov.74@bk.ru*

G. V. Ryabova

*Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation,
ryabova.gv@bk.ru*

Introduction: the article presents the results of work on collecting, processing and mapping of lexical material for the dialectological atlas of the Erzya dialects. The analysis of Mordovian dialects through the method of linguistic geography reflects achievements of recent years and gives characteristic of the considered problems in the dialect systems. The article describes the main works in Finno-Ugric linguistics, in which methods of linguistic geography have been used.

Objective: the authors have defined the main directions of work on compilation of the dialectological atlas; they've shown the methodology of the research, defined the reference points to be mapped.

Research materials: the dialects of the villages most clearly illustrating the features of dialectal types have been dialectally mapped.

Results and novelty of research: the analysis of the dialect material of the compiled maps revealed a large number of correspondences of the considered lexemes. As an illustration, the dialect map of the lexeme *ovtoumar* 'dogrose' is given in the article. The compiled map fully reflects the variability of this lexeme. It is represented by lexical, derivational and phonetic variants. Based on the analysis, it is noted that creation of the dialectological atlas of the Mordovian languages is an important stage of development of dialectology of the Erzya and Moksha languages. Being a fundament of dialect material in its territorial distribution, the dialectological atlas serves as a basis for various aspects of language learning through the method of linguistic geography.

Key words: dialectological atlas, dialect, subdialect, dialect type, dialectal division, linguistic geography, reference points, mapping, sign, area, lexeme, variability.

Acknowledgments: the publication is prepared with financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 19-012-00323.

For citation: Ryabov I. N., Ryabova G. V. Lexical Atlas of the Erzya dialects (materials and research) // *Vestnik ugrovedenia* = *Bulletin of Ugric Studies*. 2019; 9(1): 61–70.

Введение

Изучение диалектных различий мордовских языков на разных уровнях имеет свою историю. Своеобразие говоров и диалектов мордовских языков привлекало внимание не только отечественных, но и зарубежных лингвистов. Первые диалектные образцы лексических и текстовых материалов на эрзянском языке зафиксированы ещё в XVII – XVIII в. На рубеже XIX и XX столетий финский языковед Х. Пасонен собрал богатейший материал по различным диалектам эрзянского языка и на их основе написал ряд исследований по вопросам мордовского языкознания [22; 23; 24; 25]. Большое значение для эрзянской диалектологии имеет фундаментальный труд А. А. Шахматова «Мордовский этнографический сборник» [19]. Основательную работу по изучению эрзянских диалектов проделала комиссия под руководством Д. В. Бубриха [4; 5]. Результатом исследований говоров эрзянского и мокшанского языков является важнейший лингвистический труд М. Е. Евсеева «Основы мордовской грамматики» [6], в котором впервые даётся классификация эрзянских диалектов. Позднее вопросами изучения эрзянских диалектов занимались Н. Ф. Цыганов [18], Г. И. Ермушкин [7], Д. В. Цыганкин [15], А. П. Феоктистов [13] и др.

Идея создания атласа мордовских говоров принадлежит Д. В. Бубриху [5, 38–41]. Под его руководством во второй половине 20-х годов XX века были проведены лингво-этнографические экспедиции по изучению говоров эрзянского языка. Для исследования мордовских

диалектов им была составлена «Инструкция и программа по собиранию материалов для диалектологического атласа мордовских (эрзя и мокша) языков» [4]. Однако работа над атласом была прервана. Позднее В. Д. Обьедкиным, А. П. Феоктистовым и О. И. Чудаевой в эту программу были внесены изменения и дополнения [10].

Плановым изучением диалектов мордовских (эрзя и мокша) языков с 1958 года занимался Мордовский научно-исследовательский институт. Результатом этой работы явились 5 томов «Очерков мордовских диалектов» [12].

Попытка выявления отдельных изоглосс в области фонетических и морфологических различий на материале эрзя-мордовского языка была предпринята Г. И. Ермушкиным в работе, посвящённой ареальным исследованиям [7]. С учётом диалектных типов, распространённых на территории Мордовской АССР, он составил 8 карт по фонетике и 3 карты по морфологии.

Сведения, необходимые для составления атласов мокшанского и эрзянского языков представлены в работе Д. В. Цыганкина и М. Т. Бибина [14].

В финно-угорском языкознании методы лингвистической географии применялись при изучении диалектов венгерского, финского, эстонского и карельского языков, работа над которыми продолжалась несколько десятилетий [11; 21; 20]. Большая работа по составлению диалектологического атласа проведена удмуртскими учёными. В настоящее время изданы пять выпусков «Диалектологического атласа удмуртского языка» [9].

Материалы и методы

В мордовском языкознании имеется большое количество работ в области ареальной диалектологии, в которых на широкой теоретической базе и большом фактическом материале рассматриваются фонетические и морфологические уровни диалектов мордовских языков [15; 7; 12]. Однако необходимо отметить, что основные достижения последних лет были связаны с разработкой двух основных проблем: 1) ареальной характеристикой диалектных систем в целом и 2) исследованием отдельных элементов диалектных систем в широкой территориальной проекции.

В то время, когда накоплен определённый материал и сделан ряд теоретических обобщений по вопросам диалектологии мордовских языков, представляется важным и необходимым обработать всю информацию методами лингвистической географии.

На кафедре мордовских языков Мордовского государственного университета под руководством профессора Д. В. Цыганкина ведётся работа по составлению диалектологического атласа эрзянского языка. Подготовлена теоретическая и методологическая основа выполнения такого рода исследований [1]. Разработана

компьютерная версия карты, отражающей диалектное членение эрзянского языка на территории Республики Мордовия, карта 1 (рис. 1), составлена специальная система знаков, позволяющая наглядно отразить диалектные различия в области фонетики, лексики и морфологии эрзянского языка, определена методика сбора диалектного материала для картографирования, подготовлены программы по сбору диалектного материала [16; 2; 3].

Объектами исследования выбраны опорные населённые пункты восточной части Республики Мордовия, относящиеся к различным диалектным типам. Таким образом, диалектному картографированию подверглись говоры сёл, с одной стороны, наиболее чётко отражающие особенности того или иного диалектного типа, с другой стороны, имеющие ряд расхождений фонетического, морфологического и семантического характера. Список опорных населённых пунктов с учётом диалектного членения эрзянского языка приведён в карте 2 (рис. 2).

Рис. 1.

Диалектное членение эрзянского языка.

Рис. 2.

Опорные населенные пункты исследования.

Сбор лексического материала в опорных пунктах проводился по ранее подготовленной программе [16], включающей темы: «Растительный мир», «Животный мир», «Ландшафт», «Метеорология», «Строения и постройки», «Человек», «Одежда, обувь, головные уборы, украшения», «Пища».

Программа рассчитана на сбор диалектологического материала с применением метода тематических бесед. Такая методика работы над диалектами позволила с наибольшей полнотой учесть местную оригинальную лексику, которая при других методах работы часто остаётся незамеченной. Метод проведения длительных бесед на близкие для носителей говора темы даёт благоприятную возможность накопить большое количество связных текстов, крайне необходимых для исследования всех разделов языка: фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса.

Собеседниками были местные жители, родившиеся в данном селе или проводившие в нём большую часть своей жизни. Информаторами были как женщины, так и мужчины, люди разных поколений. Для беседы на эрзянском языке привлекались люди с чётким произношением, без индивидуальных недостатков речи.

Часть материала собиралась путём прямой постановки вопросов. Для этого тщательно продумывались вопросы, которые будут задаваться информаторам. При этом давались краткие описания предметов или производственных процессов, с которыми связано то или иное слово, а также, по возможности, записывался тот контекст, в котором было употреблено интересующее наблюдателя слово.

Если собиратель получал несколько ответов на один и тот же вопрос, выяснялось, чем обусловлено различие названий, указывалось, какое из них местные жители считают исконным, более старинным в их селе.

Для достоверности ответов работа проводилась с несколькими информаторами. Все записи диалектной речи велись в фонетической транскрипции. При сборе диалектного материала использовалась финно-угорская транскрипция [8].

Собранный в опорных пунктах диалектный материал классифицирован в диалектной карте по разным тематическим группам. В основу систематизации материалов картотеки положена ранее разработанная система диалектных типов.

Систематизированный в картотеке диалектный материал позволил разработать лингвогео-

графические карты следующих лексем: 1) беле-на; 2) земляника; 3) калина; 4) лопух (репейник); 5) мать-и-мачеха; 6) молочай; 7) орешник; 8) осока; 9) осот; 10) папоротник; 11) подорожник; 12) подсолнух; 13) чертополох; 14) чеснок; 15) дупло; 16) крыжовник; 17) гадюка; 18) жаворонок; 19) комар; 20) клещ; 21) коршун; 22) крот; 23) кузнечик; 24) овод; 25) оса; 26) паук; 27) пьявка; 28) селезень; 29) синица; 30) стрекоза; 31) уж; 32) чешуя (рыбы); 33) погреб; 34) подполье; 35) порог; 36) печь; 37) ватрушка; 38) окрошка; 39) картофель; 40) черёмуха; 41) рябина; 42) шиповник; 43) яблоня.

При составлении компьютерных версий лингвогеографических карт использовалась специальная система картографических знаков, позволяющая передать варьирование диалектных лексем в опорных пунктах каждого диалектного типа. При создании легенд для карт применён системный подход. Так, заимствования из отдельных языков всегда обозначаются условными знаками одной конфигурации, а исконная лексика – другими знаками. Фонетические варианты слов передаются рисунком внутри геометрических фигур или штриховкой (карта 3). Такой подход облегчает удобочитаемость карт. Таким образом, нанесённая на диалектные карты специальная система картографических знаков отражает: варьирование диалектных лексем, этимологию (собственно мордовские наименования или заимствования) каждой диалектной корреспонденции, структуру каждого варианта лексемы, фонетические варианты.

Результаты

Анализ диалектного материала составленных карт выявил наличие большого количества корреспонденций рассматриваемых лексем. Приведём некоторые из них.

‘**чертополох**’ pur'g'in'epalaks (1, 7, 11, 17, 19, 20, 27, 23, 26, 30, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 46); pur'g'in'ip'icipalaks (33); pur'g'in'epalaks undo (41); tatarpalaks (25); tataron' p'itepalaks (15, 16); tatarin' p'ic'ipalaks (37); čudožoj (6, 21); čertopoloh (10, 12);

‘**подорожник**’ tuvonar (1, 12, 6, 26); c'ir'ej lopa (30); c'ir'ij lopa (35, 36, 37, 38); k'iskan' lopa (18, 28); katkalapa (33); kukolopa (43); podorožn'ik (4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 17, 19, 20, 22, 39, 40, 41); p'idarožn'ik (31); padarožn'ik (32);

‘**осот**’ čudožov (1, 2, 6, 8, 9, 11, 18, 19, 32, 33); šudužuv (3); šuždav (4); šudožov (12, 28, 29, 22, 30); šuždov (17, 20, 40, 41); šužodov (23, 24, 25, 26); čudožof (31); čudužov (35, 37); čud'ežov (36, 38); čoržav (6); šoržav (27); šordžav (21); us'kaz (15, 16); psakapul (43); osot (10); asot (39);

‘**подсолнух**’ čin'žaramo (1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 17, 18, 21, 32, 40, 41, 42, 43, 44, 46); čin'džaramu (3, 10, 11, 14); čin'džaramo (15, 16, 19, 21, 22, 24, 33); čin'džarama (30, 31, 37, 45); čin'džaramę (39); čipan'a (27, 28, 29); čin'džarka (20, 23, 24, 25, 26); čin'džarama pr'a (35, 36, 37, 38); t'it'ikše (26);

‘**папоротник**’ kavallopa (11, 30); v'ir'lopamok (23); v'ir'avalopamok (26, 27); kan'al (6); k'in'al (3); nud'ej' (39, 41, 42, 44); b'ic'olopa (3); ovtolopa (26); kar'd'ikše (35); kar'alga (36); kar'alkst'iksä (38); sarazbr'a (24, 25, 28, 29); v'er'g'izęn' pazava (1, 12, 31, 32, 33, 45); v'er'g'izęn' bal'aga (17); ovton' lapa (8, 9, 10); vir'avan' d'ikše (16); v'ir'avan' zuft'im'ä (37); numęlen' v'išn'a (43, 46); papor'ot'n'ik (4, 5, 18, 19, 20, 21, 22, 40);

‘**молочай**’ čorža (37); šoržav (1); čoržav (31, 6, 26); šeržavd'ikše (40, 41, 42, 46, 44); širžavd'ikše (43); lovsot'ikše (8, 9, 28, 19, 20); lovcot'ikše (42, 43); lovcon' t'ikše (17, 18); lovson' t'ikše (24, 25, 26, 27, 29); lovcęn' t'ikše (41); vatrakšon' lovso (11, 30, 32, 33); pul'elopa't'ikše (45); pup'ec'ec'a (39); moločaj (5, 10); moloc'ej (12); molac'ej (14);

‘**земляника**’ kstij (1, 2, 3, 11, 10, 12, 14, 17, 27, 29, 21, 23, 24, 30, 33, 39, 40, 41, 43); k'istij (15, 16, 31, 32, 35, 36, 37, 38); kstęj (4, 5, 8, 9); kstęje (26); k'istoj (6, 7); stij (44, 45, 46, 39, 41, 44, 45, 46); stęje (28); umar' (18, 42); modaumar' (19); mastorumar' (20, 25); jagoda (22, 26); jaguda (11); v'ir'jagoda (40);

‘**орешник**’ p'ešks (4, 5, 6, 7, 11, 17, 27, 29, 22, 25, 26, 30, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 44, 42, 41); p'ešt'er'ina (28, 43); p'ešt'ečuvto (1, 2, 8, 9, 15, 16, 18, 19, 23, 46, 40); p'ešt'ečuftu (10); p'ešt'ičufta (37, 45); p'ešksčuvto (20, 24); p'eškščufta (31); p'eščęv'ir' (3);

‘**калина**’ čęvg'e (8, 9, 12, 30, 35, 36, 44); čäv'g'ä (37, 38, 39, 40, 41, 42); čęvg'el' (1, 2, 4, 5, 10, 11, 17, 18, 19, 20, 23, 24, 25, 43); čäv'g'el' (6, 45); čęg'el' (7); čävz'el' (27, 28); čauz'el' (29); čang'el' (26); čęvg'ečuvto (15, 16, 32, 33); čęvg'ičuvto (17); čavgačufta (31); kal'ina (14, 22);

‘**дупло**’ undo (1, 3, 6, 7, 11, 12, 15, 16, 17, 27, 28, 20, 22, 23, 26, 30, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46); undę (18); unda (31, 37, 35, 36, 38, 34); makšo (5); p'izę (29, 25); makšovar'a (32, 33); čuvtovar'a (15, 16); duplo (4, 10, 19, 21, 24); dupla (45);

‘**чеснок**’ p'ejčur'ka (33); p'en'ečur'ka (1, 5, 27, 28, 21); p'en'ičur'ka (14); p'ęng'ečur'ka (29, 19, 22, 23, 26); p'ejn'ečur'ka (24); pan'ičur'ka (39); pajn'ečur'ka (45); p'ejm'e (3); česnok (7, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 16, 17, 18, 20, 25, 30, 32, 35, 36, 37, 38, 40); čosnok (6, 26, 43); časnok (31, 44, 41, 42, 45);

‘**осока**’ čęj (1, 2, 3, 4, 6, 11, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 30, 31, 32, 33, 35, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46); čäj (37); čęj (26); šorža (12); čoržov (15, 16, 36); šudožov (29); šordžav (20); šužodov (12); čęjd'ikše (8, 9); l'ejd'ikše (7); osoka (10);

‘**крыжовник**’ šukštorov (27); ponafka (31); ponášukštorov (1); rižuha (26); borbo (33); križovn'ik (2, 10, 15, 16, 17, 18, 29, 20, 24, 25, 32, 35, 36, 37, 38, 42, 43); križovn'a (5, 6, 8, 9, 11, 19, 21, 23, 26); kružovn'ik (7, 12); kružovn'a (28, 41, 44); križov (22); kr'ažovn'a (39, 41, 46); kr'ažovn'ik (40); kružuvn'a (45); križovn'a čufta (30); kružovn'a čuvto (45);

‘**стрекоза**’ saulav (1); saulov (32); tasta (44, 43); salmuksun' salj (8, 9, 27, 45); salmuksun' zalj (10, 11, 12, 14, 17, 33); salmuksun' salj (18); salmuksals'i (26); salmuksalä (41); salmoksun' salj (25, 26, 28, 29); c'ir'kun (30, 31, 37, 38); c'ir'kuv (35); c'ur'kuv (36); str'ekoza (19, 20, 22, 23, 24);

‘**синица**’ s'anav (5); c'anav (37); s'an'av (20); s'en'av (24); s'in'av (20, 24); pustaka (6); pus't'an'ka (43); s'er'aka (35, 36, 37, 38); p'iže oz'az (1, 10, 11, 12, 17, 18, 19, 25, 26, 27, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 38, 43); p'iže oz'as (7, 41, 44, 45); p'iz'i oz'az (14); s'in'ica (21, 22, 23); s'in'ička (29);

‘**селезень**’ jaks'argo (8, 9, 18, 44); at'aka jaks'argo (32, 33); v'ed'mac'ij (44); at'aka utka (11, 12, 14, 26, 35, 36, 37, 38, 39); at'aka ut'aka (43); sęn'skaj (6); s'el'aka (1, 27, 19, 23, 25, 26, 31); s'el'oka (17); s'el'ez'n'a (10); s'el'ez'ej (15); s'el'z'ej (16); s'el'ez'en' (3, 4, 20, 21, 22, 24, 46); ut'aka (45);

‘**пиявка**’ p'ed'l'ej (8, 9); p'ed'l'ij (12, 30, 32, 33, 35, 36, 38); p'äd'l'ej (6); p'äd'l'ij (37); p'edävks (11); p'ed'afks (31); p'ed'kaj (14); p'ejel'e (28); v'er'en' bot'i (2, 5, 18); v'ed'b'ejel' (17, 43); v'ed'en' b'ejel' (25); p'äl'guj (39, 45); p'äl'iguj (41, 45); p'el'guj (44); čer'guj (16, 35, 36, 37, 38); p'ijavka (3, 4, 10, 27, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 29);

‘**паук**’ šanžav (3, 11, 12, 40, 41); čan'žav (6, 7, 8, 9, 14, 15, 16); čan'čav (10); čan'žaj (18); šandžav (32); čandžav (33, 37); čan'd'žav (35, 36, 38); pondaj (43, 45); pondrav (30); pondakš (31); pondomukoro (4, 5, 17, 19, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 39, 43); pondam'ik'ira (40, 44);

pon'd'am'ik'er'a (46); pandomukoro (28, 29);
pauk (20, 24, 46);

‘лопух (репейник)’ k'irmalav (11, 12, 40, 41, 45, 43, 42, 46, 1, 2, 3, 8, 9, 30, 32, 33, 35);
k'irmalav (36, 37, 38, 45); kumorov (14); kumarav
(6, 7); kormalov (16); kormalav (18, 27, 28, 19,
20, 21, 22, 23, 24, 25, 5, 19, 29, 26); k'irmarav
(35); k'ermarav (42); karmalav (44, 4); karmarav
(46); k'ermalav (31); p'ed'agajt' (3); kormalovlopa
(15); kormaravlopa (26); k'irmaravtarad (44);
rukšnalopa (17, 2); rukšen'a lopa (39)

‘мать-и-мачеха’ odažan' lopa (6); odaža
lopa 11, 12, 19, 23, 5, 26, 30, 31, 32, 33); od
avalopa (26); od avan' čamalopa (15, 16, 35,
36, 37, 38, 40, 29, 20, 22, 1, 3, 8, 9); od avan'
džamalopa (44, 45); babalopa (14); ožo c'e's'a
(39, 46, 40); ožo t'v'etka (41, 42); tamaška (3);

‘белена’ ormaza t'ikše (1, 8, 9, 32); durakt'ikše
(5, 10, 11, 17, 18, 27, 22, 23, 24, 25, 26, 30, 33,
40, 41, 42, 43, 44, 45, 46); durakt'ikšä (37);
v'er'g'izēn' bajaga (31); k'iskan' bajaga (29, 19,
26); durakmak (25, 39); durakbajaga (20, 21);
durman (12, 14);

‘оса’ ukska (2, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 18, 25, 27,
28, 29, 30, 31, 32, 33, 36, 37, 38, 39, 41, 43, 44,
45, 46); ukuska (11); ukška (17); promo (19, 20,
21, 23, 26); puromo (24); prumo (15, 16); purumu
(14); pruma (16); l'išm'en' promo (22); l'išm'en'
puruma (26); rupic'a karu (3); osa (4, 10).

Составленные диалектные карты в полной мере отразили вариативность диалектных корреспонденций картографируемых лексем. Нередко один и тот же объект в различных населённых пунктах может передаваться разными наименованиями. Некоторые из этих объектов имеют до десяти и более названий. Это связано с тем, что описываемые лексемы часто представлены лексическими, словообразовательными и фонетическими вариантами. Так лексема ‘шиповник’ в эрзянском диалектном ареале представлена 11 вариантами (рис. 3). Самым распространённым является слово *ovtoumar'*. Данное наименование встречается в северо-западном, западном и центральном диалектных типах.

В северо-западном диалектном типе слово *ovtoumar'* встречается в говорах сёл Андреевка, Ст. Качаево, Б. Игнатово Б. Игнатовского района, Низовка, Чукалы, Пиксяси, Луньга, Каласево, Баево, Кученяево, Урусово Ардамовского района. В западном диалектном типе слово *ovtoumar'* зафиксировано в говорах сел Папулево, Селищи, Парадеево Ичалковского

района. В центральном типе данная лексема употребляется в говорах сёл Козловка, Атяшево, Лобаски, Селищи Атяшевского района.

Описываемая лексема имеет фонетические варианты: *ovtumar'*, *ovteumar'*, *oftoumar'*, *oftumar'*. Они зафиксированы в центральном типе - *ovteumar'* (Тарасово Атяшевского района), *oftoumar'* (Мокшалай, Б.Маресьево Чамзинского района) и в юго-восточном типе – *ovtumar'* (Сабаево, Морд. Давыдово Кочкуровского района).

Наименования *ovtojagudakal'*, *t'aka*, *p'el'ebabačufta*, *s'äjän'zakal*, *šipovn'ik* менее распространены в говорах картографируемых сёл. Так слово *t'aka* встречается лишь в говорах сёл Алово и Дюрки Атяшевского района (северо-западный тип). Наименование *ovtojagudakal'* зафиксировано в селе Лобаски Ичалковского района (западный тип). Более распространено название *p'el'ebabačufta*. Оно распространено в говорах сёл Качелай, Кочкурово Кочкуровского района (юго-восточный тип), Подлесная Тавла Кочкуровского района, Напольная Тавла Октябрьского района (центральный тип). В селе Черная Промза Б. Березниковского района (юго-восточный тип) шиповник имеет название *s'äjän' zakal*.

Не все наименования создаются на базе существующих в языке лексических единиц. Важным способом обогащения лексики любого языка является заимствование названий из других языков. В нескольких диалектных типах зафиксировано заимствованное из русского языка название *šipovn'ik*. Оно встречается в говорах сёл Ичалки Ичалковского района, Ст. Турдаки, Семилей Кочкуровского района (западный тип), Паракино, Ст. Найманы Б.Березниковского района, Дубенки, Пуркаево, Кочкурово, Ардамово, Кабаево, Морга, Поводимово, Чиндяново Дубенского района (юго-восточный тип).

Проведённый сравнительный анализ фиксирует соответствия основам исследуемых лексем в других финно-угорских языках, что позволяет выявить их происхождение. Слово *ovtoumar'* (*ovtumar'*, *ovteumar'*, *oftoumar'*, *oftumar'*) состоит из двух компонентов: *ovto* ‘медведь’ и *umar'* / *mar'* ‘плод, яблоко’. Оба компонента названия *ovtoumar'* являются по своему происхождению финно-угорскими. Первому компоненту *ovto* ‘медведь’ соответствуют: фин. *ohito*, эст. *ott* (ф.-в. **okte*). Второму компонент *mar'* также

находит соответствия в ряде финно-угорских языков: фин. *marja* ‘ягода’, эс. *mari* ~ *marja* ‘ягода’, мр. *мөр* ‘ягода (обычно о землянике)’, к. *мыр* в составе двухкомпонентного фитонима *намыр* ‘костяника’, удм. *мөр* – *пизылмэмор* ‘ягода рябины’ [17, 10–124].

Рис. 3. Варианты лексемы *ovtumar* ‘шиповник’.

Одним из признаков, по которому предмет или явление получает своё название, может быть форма, цвет, функция, размер, сходство с чем-либо и другие внешние и внутренние свойства. Так, например, в качестве основ называния в эрзянском диалектном ареале выдвигаются такие характерные признаки:

а) часть тела в сопровождении каких-либо уточняющих примет:

- *pokš pr'a korš* ‘сова’ (досл.: *pokš* ‘большой’ + *pr'a* ‘голова’ + *korš* ‘коршун’);
- *g'ig'er/pr'a guj* ‘уж’ (досл.: *g'ig'er* ‘кора берёзы’ + *pr'a* ‘голова’ + *guj* ‘змея’);
- *pondomukoro* ‘паук’ (досл.: *pondo* ‘пуд’ + *mukoro* ‘задняя часть’);

б) характер местности, к которой имеет отношение соответствующая лексема:

- *paks'ac'irkun* ‘кузнечик’ (досл.: *paks'a* ‘поле’ + *c'irkun* ‘сверчок’); *v'ed'b'ejel* ‘пиявка’ (досл.: *v'ed* ‘вода’ + *p'ejel* ‘нож’);

- *modamakšaz'ej* ‘крот’ (досл.: *moda* ‘земля’ + *makšaz'ej* ‘крот’);
- *vir'avan' d'ikše* ‘папоротник’ (досл.: *vir* ‘лес’ + *avan* ‘женщины’ + *t'ikše* ‘трава’);
- *v'ir'avan' zuft'im'ä* ‘папоротник’ (досл.: *vir* ‘лес’ + *avan* ‘женщины’ + *suft'im'ä* ‘сито’);
- *modaumar* ‘картофель’ (досл.: *moda* ‘земля’ + *umar* ‘яблоко’); *mastorumar* (досл.: *mastor* ‘поверхность земли’ + *umar* ‘яблоко’);
- *v'ir'jagoda* ‘земляника’ (досл.: *v'ir* ‘лес’ + *jagoda* ‘ягода’);

в) цвет:

- *ožo c'ec'a* ‘мать-и-мачеха’ (досл.: *ožo* ‘жёлтый’ + *c'ec'a* ‘цветок’);
- *raužo pr'a guj* ‘гадюка’ (досл.: *raužo* ‘чёрный’ + *pr'a* ‘голова’ + *guj* ‘змея’);
- *p'iže oz'az* ‘синица’ (досл.: *p'iže* ‘зелёный’ + *oz'az* ‘воробей’);
- *ožopr'aguj* ‘уж’ (досл.: *ožo* ‘жёлтый’ + *pr'a* ‘голова’ + *guj* ‘змея’);

г) свойство:

- *ormaza t'ikše* ‘белена’ (досл.: *ormaza* ‘бешеный, сумасшедший’ + *t'ikše* ‘трава’);
- *p'ed'agajt'* ‘лопух (репейник)’ (досл.: *p'ed'agaj* ‘липучка’); *lovso't'ikše* ‘молочай’ (досл.: *lovso* ‘молоко’ + *t'ikše* ‘трава’);
- *pup'ec'ec'a* ‘осот’ (досл.: *pup'e* ‘колющий’ + *c'ec'a* ‘цветок’);

Обсуждение и заключение

Материал диалектологического атласа является основой для комплексного сравнительно-исторического и синхронно-типологического изучения языков и их контактов с другими этносами. Картографирование языковых явлений мордовского диалектного ареала раскроет неисследованные особенности эрзянской речи.

Применение методов лингвистической географии, которые, давая географическую проекцию, позволят представить диалекты в более полном виде, в их сложных связях и взаимоотношениях. Проведение изоглосс будет способствовать уточнению динамики развития той или иной особенности диалектного типа, установлению архаичных и инновационных явлений.

Сокращения

досл. – дословно; мр. – марийский; финн. – финский; эс. – эстонский; удм. – удмуртский; к. – коми.

Список источников и литературы

1. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Диалектологический атлас как результат исследований эрзянских диалектов методами лингвистической географии // Финно-угорский мир. 2013. № 2 (15). С. 48–53.
2. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Диалектологический атлас эрзянского языка. Программа-вопросник (Морфология). Саранск: Принт-Издат, 2014. 52 с.
3. Агафонова Н. А., Рябов И. Н., Рябова Г. В. Программа по сбору диалектного материала эрзянского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 80 с.
4. Бубрих Д. В. Инструкция и программа по собиранию материала для диалектологического атласа мордовских (эрзя и мокша) языков. Саранск: Мордгиз, 1935. 46 с.
5. Бубрих Д. В. О работе по мордовскому диалектологическому атласу // Революция и письменность. 1936. № 2. С. 38–41.
6. Евсеев М. Е. Основы мордовской грамматики. Избранные труды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 4. 470 с.
7. Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М.: Наука, 1984. 142 с.
8. Лыткин В. И. О единой научной транскрипции звуков финно-угорских языков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 32 с.
9. Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Ижевск: НИЦ Регулярная и хаотическая динамика, 2009–2015. Вып. 1 – 2009 (260 с.); Вып. 2 – 2010 (364 с.); Вып. 3 – 2013 (302 с.); Вып. 4 – 2014 (280 с.); Вып. 5 – 2015 (256 с.).
10. Объединен В. Д. Вопросник для собирания сведений по диалектам мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1960. 106 с.
11. Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 1987. 185 с.
12. Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961–1968. Т. 1 – 1961 (396 с.); Т. 2 – 1963 (448 с.); Т. 3 – 1963 (276 с.); Т. 4 – 1966 (382 с.); Т. 5 – 1968 (399 с.).
13. Феоктистов А. П. Диалекты мордовских языков // Н. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1990. Band I (A–J). С. LX–LXXXVI.
14. Цыганкин Д. В., Бибин М. Т. Лингвистический атлас мокшанских и эрзянских говоров. Саранск: Крас. Окт., 2002. 56 с.
15. Цыганкин Д. В. Фонетика эрзянских диалектов. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1979. 112 с.
16. Цыганкин Д. В., Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Диалектологический атлас. Программа-вопросник (лексика). Саранск: Прогресс, 2011. 31 с.
17. Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимологиянь валкс. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 240 с.
18. Цыганов Н. Ф. К вопросу о классификации мордовского-эрзя языка // Совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков. М.: [б.и.], 1959. С. 70–73.
19. Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1910. 848 с.
20. Atlas Linguarum Fennicarum = Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков: в 3 томах. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden seura; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2004–2010. Т. 1 – 2004 (464 с.); Т. 2 – 2007 (540 с.); Т. 3 – 2010 (483 с.).
21. Bubrih D., Beljakov A., Punžna A. Karjalan kielen murrekartasto. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1997. 219 s.
22. Paasonen H. Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1897. Vyp. XV. 64 s.
23. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Akademische Abhandlung. Helsingfors, 1893. = Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1903. 123 s.
24. Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen IV. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1909. 159 s.
25. Paasonen H. Mordwinische Wörterbuch. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1990–1996. Vol. 1 (A–I) – 1990 (557 s.); Vol. 2 (K–M) – 1992 (558–1305 s.); Vol. 3 (N–R) – 1994 (1306–1927 s.); Vol. 4 (S–Ž) – 1996 (1927–2703 s.).

References

1. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Dialektologicheskyy atlas kak rezultat issledovaniy erzyanskikh dialektov metodami lingvisticheskoy geografii* [Dialectological atlas as a result of research of the Erzya dialects through methods of linguistic geography]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2013, no. 2 (15), pp. 48–53. (In Russian)
2. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Dialektologicheskyy atlas ehrzyanskogo yazyka. Programma-voprosnik (Morfologiya)* [Dialectological atlas of the Erzya language. Program-questioner]. Saransk: Print-Izdat Publ., 2014. 52 p. (In Russian)
3. Agafonova N. A., Ryabov I. N., Ryabova G. V. *Programma po sboru dialektnogo materiala erzyanskogo yazyka* [Program on collecting of dialect material of the Erzya language]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2018. 80 p. (In Russian)
4. Bubrikh D. V. *Instruktsiya i programma po sobiraniyu materiala dlya dialektologicheskogo atlasa mordovskikh (erzya i moksha) yazykov* [Instruction and program on collecting of dialectological material for dialectological atlas of the Mordovian (Erzya and Moksha) languages]. Saransk: Mordgiz Publ., 1935. 46 p. (In Russian)
5. Bubrikh D. V. *O rabote po mordovskomu dialektologicheskomu atlasu* [About work on the Mordovian dialectological atlas]. *Revolutsiya i pismennost* [Revolution and writing], 1936, no. 2, pp. 38–41. (In Russian)
6. Evseyev M. E. *Osnovy mordovskoy grammatiki. Izbrannye trudy* [Fundamentals of Mordovian grammar. Selected works]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. Vol. 4. 470 p. (In Russian)
7. Ermushkin G. I. *Arealnye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (erzya-mordovskiy yazyk)* [Areal studies on the Eastern Finno-Ugric languages (the Erzya-Mordovian language)]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 142 p. (In Russian)
8. Lytkin V. I. *O edinoj nauchnoj transkripsii zvukov finno-ugorskih yazykov* [About unified scientific transcription of sounds of the Finno-Ugric languages]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. 32 p. (In Russian)
9. *Dialektologicheskyy atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii* [Dialectological atlas of the Udmurt language. Maps and comments]. Izhevsk: NIC «Regulyarnaya i haoticheskaya dinamika» Publ. Vol. 1. 2009. 260 p.; Vol. 2. 2010. 364 p.; Vol. 3. 2013. 302 p.; Vol. 4. 2014. 280 p.; Vol. 5. 2015. 256 p. (In Russian)
10. Objedkin V. D. *Voprosnik dlya sobiraniya svedeny po dialektam mordovskikh (mokshanskogo i erzyanskogo) yazykov* [Questioner for collecting of data on the dialects of the Mordovian (Moksha and Erzya) languages]. Saransk: Tip. «Kras. Okt.» Publ., 1960. 106 p. (In Russian)
11. *Obshchekarpatiskiy dialektologicheskyy atlas. Vstupitelnyy vypusk* [Common Carpathian dialectological atlas]. Skopje: Makedonska akademija na naukite i umestnostite Publ., 1987. 185 p. (In Russian)
12. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays of the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., Vol. 1. 1961. 396 p.; Vol. 2. 1963. 448 p.; Vol. 3. 1963. 276 p.; Vol. 4. 1966. 382 p.; Vol. 5. 1968. 399 p. (In Russian)
13. Feoktistov A. P. *Dialekty mordovskikh yazykov* [The dialects of the Mordovian languages]. *H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura Publ., 1990. Band I (A–J), pp. LX–LXXXVI. (In Russian, German)
14. Tsygankin D. V., Bibin M. T. *Lingvisticheskyy atlas mokshanskikh i erzyanskikh govorov* [Linguistic Atlas of the Moksha and the Erzya dialects]. Saransk: Kras. Okt. Publ., 2002. 56 p. (In Russian)
15. Tsygankin D. V. *Fonetika erzyanskikh dialektov* [Phonetics of the Erzya dialects]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1979. 112 p. (In Russian)
16. Tsygankin D. V., Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Dialektologicheskyy atlas. Programma-voprosnik (leksika)* [Dialectological atlas. Program-questioner]. Saransk: Progress Publ., 2011. 31 p. (In Russian)
17. Tsygankin D. V., Mosin M. V. *Etimologiyany valks* [Etymological dictionary]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1998. 240 p. (In Erzya)
18. Tsyganov N. F. *K voprosu o klassifikatsii mordovskogo-erzya yazyka* [To the question of classification of the Mordovian-Erzya languages]. *Soveshchanie po voprosam istoricheskoy grammatiki i istoricheskoy dialektologii finno-ugorskih yazykov* [Conference on the questions of historical grammar and historical dialectology of the Finno-Ugric languages]. Moscow: [w/p], 1959. pp. 70–73. (In Russian)
19. Shakhmatov A. A. *Mordovskiy etnograficheskiy sbornik* [Mordovian ethnographic collection]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1910. 848 p. (In Russian, Erzya)
20. *Atlas Linguarum Fennicarum = Lingvisticheskyy atlas pribaltiysko-finskikh yazykov* [Linguistic Atlas of the Baltic-Finnish languages]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden seura; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus Publ., Vol. 1. 2004. 464 p.; Vol. 2. 2007. 540 p.; Vol. 3. 2010. 483 p. (In Russian)

21. Bubrikh D., Belyakov A., Punžna A. *Karjalan kielen murrekartasto* [Dialectological Atlas of the Karelian language]. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura Publ., 1997. 219 p. (In Finnish, Russian)
22. Paasonen H. Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1897, no. XV. 64 p. (In Erzya, German)
23. Paasonen H. *Mordwinische Lautlehre*. Akademische Abhandlung. Helsingfors, 1893. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1903. 123 p. (In Erzya, German)
24. Paasonen H. *Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss*. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen IV. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1909. (In Erzya, German)
25. Paasonen H. *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, B. I (A–I). 1990. 557 p.; B. II (K–M). 1992. 558–1305 p.; B. III (N–R). 1994. 1306–1927 p.; B. IV (S–Ž). 1996. 1927–2703 p. (In Erzya, German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рябов Иван Николаевич, доцент ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), кандидат филологических наук.

ORCID ID: 0000-0001-6760-4376

Ryabov.74@bk.ru

Рябова Галина Викторовна, доцент ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), кандидат филологических наук.

ORCID ID: 0000-0001-9789-9187

ryabova.gv@bk.ru

ABOUT THE AUTHORS

Ryabov Ivan Nikolayevich, Associate Professor, Department of the Mordovian Languages, Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, the Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Candidate of Philological Sciences.

ORCID ID: 0000-0001-6760-4376

Ryabov.74@bk.ru

Ryabova Galina Viktorovna, Associate Professor, Department of the Mordovian Languages, Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, the Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Candidate of Philological Sciences.

ORCID ID: 0000-0001-9789-9187

ryabova.gv@bk.ru